

В «Заключении» подытоживаются результаты исследования. Автор фиксирует здесь также внимание на некоторых важных кавказоведческих вопросах. Например, на культурных взаимовлияниях горцев и русских Северного Кавказа, которые никогда не были односторонними. Благодаря давним историческим связям горцы от русских узнали о разведении и выращивании ряда сельскохозяйственных культур, а в развитии земледелия у северокавказских народов равнинной зоны большую роль сыграли различные типы орудий, завезенные русскими переселенцами (например, тяжелый передковый плуг, рамочные бороны, мотыги, косы и др.). В свою очередь русские переселенцы восприняли от своих северокавказских соседей немало культурно-хозяйственных навыков в новом для них крае со своими специфическими природными особенностями: способы возделывания ряда культур, местные типы сельскохозяйственных орудий — легкий горский плуг, волокуша и др.

Другой важный вопрос, поднимаемый автором в «Заключении» и затронутый ранее, — роль этнокультурных традиций в развитии земледелия (особенно в становлении различных типов пахотных орудий). Б. А. Калосв занимает в данном вопросе вполне определенную позицию, всем материалом книги доказывая связь земледелия народов Северного Кавказа с давними и самобытными этническими традициями в этой области.

Заключая исследование, автор вновь подчеркивает мысль о необходимости развития на Северном Кавказе традиционных форм земледелия, о возрождении горных районов края.

Важную часть рецензируемой монографии составляют карты-таблицы. Материал, представленный в них, хронологически относится к двум периодам: к середине XIX и концу XIX в.— 1920-м годам. Принцип этот выдерживается не всегда, что, видимо, обусловлено состоянием необходимых для составления карт данных. Так, часть материалов (табл. 4, 6) совмещена на одной карте второй половины XIX в.— 1920-х годов. Вне временных данных картографируются религиозные верования и обряды.

Карты-таблицы несут очень большую нагрузку. В основу их положено дореволюционное административное деление Северного Кавказа; учтено также расселение местных народов. Знаками разной формы и размера обозначены картографируемые элементы культуры. Таким образом, автор старается дать представление о преобладании, бытовании и единичности на Северном Кавказе в определенный хронологический период того или иного элемента культуры. Иногда на карте совмещены элементы земледельческой культуры, которые, видимо, лучше было бы представить на разных картах. Таковы карты I и Ia, где даны системы земледелия и способы удобрения. Сравнительно небольшой размер карт (этот упрек скорее адресован издательству «Наука») и насыщенность материалом мешают их свободному чтению.

Некоторые недочеты рецензируемой книги в известной мере объясняются состоянием к настоящему времени исторических источников, которые не всегда дают возможность с достаточной достоверностью осветить все вопросы истории северокавказского земледелия. Автор справедливо отмечает, что время появления водяных мельниц на Северном Кавказе пока не установлено (с. 163). Однако, исходя из фольклорных данных, он считает возможным отнести появление этого вида мельниц к глубокой древности (с. 169), а на с. 16 без ссылок на источники датировать поздним средневековьем.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что научное значение рецензируемой монографии в том, что в ней в наиболее полной и систематизированной форме впервые собраны и исследованы материалы по истории становления и развития земледелия у народов Северного Кавказа. Книга имеет и практическое значение. Не случайно она принята Горским сельскохозяйственным институтом г. Орджоникидзе в качестве учебного пособия для студентов.

Л. Б. Заседателева

Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.

В ряду эпических произведений фольклора, пользующихся мировой известностью, почетное место занимает нартский героический эпос.

Отличительная особенность нартского эпоса — его интернациональность: он известен и народам Северного Кавказа, и абхазам. Тем не менее, рассматривая вопрос об истоках эпоса, многие исследователи склоняются к мнению, что первоначальное ядро сказаний о богатырях-нартах зародилось в среде ираноязычных предков осетин — скифов и сарматов. В разное время это было блестяще показано в работах таких известных нартведов, как Вс. Ф. Миллер, В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль и многих других.

В предлагаемой вниманию читателей новой работе В. А. Кузнецова проблема «историзма» нартского эпоса получила дальнейшее аргументированное развитие. Опираясь на хорошо знакомые ему археологические материалы, автор убедительно показал, что нартский эпос в основе своей, несомненно, историчен. Он отражает определенные ступени в жизни народов края, в том числе и сложные взаимоотношения иранских племен и древних аборигенов Северного Кавказа, которые, видимо, внесли определенный вклад в формирование эпоса. Так, в главе I — «К истории проблемы» В. А. Кузнецов пишет: «Признавая наличие в нартском эпосе общетюркских и некоторых возможных монгольских элементов и заимствований, мы вместе с тем считаем его в основе своей самобытным творением осетинского народа и его этнических предков, развивавшимся в течение длительного времени на почве местной кавказской мифологии и в жи-

вом общении с соседними культурами и отразившим главным образом общественную жизнь и быт эпохи „военной демократии“» (с. 25).

Для обоснования этого тезиса В. А. Кузнецов широко использует разнообразные письменные источники, исторические параллели и археологические материалы, в которых представлены предметы символики, перекликающиеся с образами и сюжетами нартских сказаний: различные полиморфные существа (крылатые кони, кони с рыбьими хвостами и крыльями в виде рыб), поясные пряжки со сценами посвящения коня и путешествия в «страну мертвых» и др. (гл. II — «У древних истоков»). Сопоставление сюжетов с мотивами и представлениями, известными в мифологии сопредельных стран древнего мира и Закавказья, позволило автору довольно убедительно доказать, что корни их лежат в глубокой древности (во II—I тысячелетия до н. э.) и «должны быть связаны с наследием аборигенного древнекавказского населения, находившегося в живом общении с окружающими народами и внесшего свой творческий вклад в ту фольклорную почву, на основе которой сложился нартский эпос осетин» (с. 44).

В главе III — «Нартские амазонки и сарматский „матриархат“» В. А. Кузнецов весьма аргументированно прослеживает связь нартских сказаний о девах-воительницах с известным преданием Геродота об амазонках. Тщательно сличив тот и другой тексты с археологическими материалами и письменными известиями об амазонках на Кавказе, В. А. Кузнецов приходит к заключению «об исторической реальности амазонок», рассказы о которых в художественно-поэтической форме донесли до нас воспоминание о связи определенных пластов эпоса «с сармато-савроматским кругом древнеиранских племен» (с. 51—56). Автор идентифицирует древнюю реку Мермод(ас), на которой Страбон локализует легендарных амазонок, с современной рекой Терек (с. 59—63) — гипотеза, высказанная еще Е. И. Крупновым и поддержанная позднее В. Б. Виноградовым. В пользу этой гипотезы автор привел новые убедительные аргументы.

В критической литературе, посвященной анализу нартского эпоса, часто указывается на мифологическую сущность многих его мотивов и персонажей. В таком духе принято обычно трактовать образ злых и загадочных «каджей», о которых в ряде сказаний говорится, что они обитают в море и ходят пятками вперед.

На демоническом истолковании образа каджей настаивает и В. И. Абаев в своем предисловии к работе В. А. Кузнецова, и это имеет определенный резон. И все же автор обращает внимание читателя на то, что существуют сказания, в которых эти мифические существа выступают в качестве вполне земных и «реальных» людей, живущих по соседству с нартами «у гор высоких» и вступающих с ними в разнообразные бытовые отношения. Например, юноши каджей ходят к нартам для того, чтобы померяться силой, угоняют у них скот, вступают с девушками нартов в брачные отношения и т. д. Реальные человеческие черты каджей в этих сказаниях, многочисленные бытовые подробности, которыми сопровождаются повествования о них, дали В. А. Кузнецову возможность предположить, что под «исходным мифологическим именем каджей скрывается некая этническая группа, вполне конкретная и враждебная по отношению к героям и создателям эпоса». И далее. «Представляется вероятным, что первоначально мифический образ злых существ каджей, восходящий к местной кавказской среде, в осетинском фольклоре претерпел семантические изменения и стал нарицательным именем врагов нартов — врагов, вполне реальных исторически» (с. 67). Такая картина согласуется с историческими и археологическими данными, а также с тем, что у соседей осетин — ингушей нарты обычно выступают в качестве отрицательных персонажей. Не исключена и сама возможность контаминации исторических реалий с мифическими образами (как и обратное замещение) — примеров тому известно немало.

И все же вопрос о каджах нельзя считать до конца решенным, и глава эта («Борьба с каджами»), как справедливо отметил в своем предисловии В. И. Абаев, одна из наиболее спорных в рецензируемой работе. В противоположность этому, следующая за ней глава «Нарты в верховьях Кубани» по глубине аргументации и четкости решения может быть отнесена к наиболее убедительным в книге. Об этом можно судить хотя бы по тому, что еще совсем недавно точная локализация ареала формирования основных сказаний нартского эпоса и механизм его усвоения разными народами Северного Кавказа казались совершенно неразрешимыми. К такому негативному заключению пришел тот же Абаев в результате изучения географической номенклатуры эпоса. «Можно было бы думать, — пишет он, — что встречающиеся в сказаниях названия местности, равнин, гор, морей, поселений, а также наименования племен и народов позволяют прикрепить нартов к какой-то конкретной исторической почве. Но эти надежды не оправдываются. Географические и этнические упоминания эпоса носят в большинстве смутный и как бы нарочито нереальный характер»¹. Однако В. А. Кузнецов с большой убедительностью показал, что основные события в эпосе вращаются в районе р. Урупа (Уарп — эпоса) и крепости Хыз, расположенной там же неподалеку, в бассейне Верхней Кубани и ее притоков (рек Кяфар и Большой Зеленчук), где и поныне сосредоточено около полдюжины наименований с корнем «хыз». Здесь же находится и городища позднеаланского времени VII—XII вв. Таким образом, верховья Кубани были той контактной зоной, где предки осетин соседствовали с адыгскими племенами, у которых высоко почиталась прослойка певцов-сказителей — «тегуако», известных нам по описанию историка конца XVIII в. П. Г. Буткова. Такие же сказители, знавшие несколько языков, имелись и у осетин. Они, по сообщению П. Г. Буткова, «обязаны были знать все отечественные песни прошедших времен» и таким образом сохраняли «исторические воспоминания» там, где отсутствовала письменность. Эти певцы «никогда не

¹ Абаев В. И. Нартовский эпос. — Изв. Северо-Осетинского н.-и. ин-та. Т. X, в. 1. Дзауджикау, 1945, с. 107.

вооружались и во всем Кавказе, даже среди неприятелей своего племени, пользовались совершенною безопасностью»². Именно им, заключает свои изыскания В. А. Кузнецов, нартский эпос обязан широким распространением среди народов Северного Кавказа, у которых нартские сказания «бытуют до сих пор в своих оригинальных национальных вариантах» (с. 95).

С кем соседствовали нарты в Прикубанье со стороны степей, выясняется в VI главе — «Тюрки в нартском эпосе». До сих пор этот вопрос решали преимущественно в плане выявления тюркских элементов в эпосе. В. А. Кузнецов перевел его в этническую плоскость. Оставляя в стороне механизм исследования, отметим только, что попытка автора увенчалась успехом. На большом сравнительном материале ему удалось убедительно установить целый ряд древнетюркских и угорских племен и народов, с которыми создатели эпоса контактировали на протяжении второй половины I и начала II тысячелетия н. э. В числе этих племен были авары (в эпосе «вар», «уар»), древние болгары («агур», «угур»), хазары («хыз», «хаз»), куманы («гумский человек», страна «Гум»).

Завершающая глава книги — «Нартский эпос и памятники средневековой материальной культуры» посвящена интерпретации произведений прикладного искусства, представленных на бытовых позднесредневековых изделиях, постройках (храмы, склепы) и других исторических памятниках и предметах. Исходя из посылки, что «фольклорно-эпическое творчество в древности было одним из основных проявлений духовной жизни и культуры, образно-художественным воплощением господствующей в народных массах идеологии» (с. 115), В. А. Кузнецов стремится увязать с эпосом фрески известной Нузальской церкви (рубеж XI—XII вв.), изображение птицы, держащей в клюве ветвь с тремя круглыми плодами (золоченая седельная пластинка из Змейского катакомбного могильника XII в.), рельефную композицию на стене дольменобразного склепа из окрестностей городища на р. Кривой (XI—XII вв.) и некоторые другие декоративные сюжеты памятников прошлого. Одни его объяснения остроумны и в значительной степени убедительны, другие, на наш взгляд, менее удачны: например, сравнение композиции с изображением черепахи (на склепе из окрестностей р. Кривой) с «Колесом Бальсага» из эпоса; или трактовка борьбы нарта Сослана с «алдаром Гумиром» как отражение классовой борьбы внутри нартского общества, хотя известно, что на Кавказе понятие «Гумир» отождествляется с легендарными киммерийцами (сравни грузинское «гмири» — герой). Но суть не в этих частностях. Нет никакого сомнения в том, что в целом работа В. А. Кузнецова представляет собой важный вклад в изучение нартского эпоса, будирует исследовательскую мысль и, как отмечает автор в «Заключении», заставляет нас признать, что в недрах эпоса содержится ценная историческая информация, «которая далеко не исчерпана и подлежит дальнейшей разработке».

В. П. Кобычев

² Бутков П. Нечто к «Слову о полку Игореве». — Вестник Европы, ноябрь 1821, ч. CXXI, № 22, с. 112

Обрядовая поэзия Пинежья. Материалы фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972 гг.) / Под ред. Савушкиной Н. И. М.: Изд-во МГУ, 1980, 279 с.

Рецензируемый сборник подготовлен студентами филологического факультета МГУ, участниками фольклорных экспедиций и семинара по методике публикации архивных фольклорных материалов. Тексты и описания обрядов собраны в четырех поездках на Пинегу — в 1970, 1971 и в 1972 (две поездки) гг. Следует сразу сказать, что сборник получился интересным — тексты значительно дополняют опубликованный материал по фольклору русского Севера, а их научная обработка (отбор, вступительные статьи к разделам, примечания) выполнены продуманно и тщательно. Весьма отраднo, что вся эта сложная и большая работа выполнена студентами (49 чел.), в чем немалая заслуга их руководителя и редактора сборника Н. И. Савушкиной.

В отличие от предыдущих публикаций фольклора Пинежья, уделявших большое внимание эпическим произведениям, в рецензируемом сборнике собрана обрядовая поэзия.

Сборник построен по жанрово-тематическому принципу и состоит из предисловия и четырех разделов: «Календарная поэзия», «Свадебный обряд и поэзия», «Похоронный обряд и поэзия» и «Заговоры». Он снабжен необходимым научным аппаратом: вступительные статьи и примечания к разделам, список использованной литературы, словарь местных слов, алфавитный указатель текстов песен и причитаний (разделы I, II, III); предметно-алфавитный указатель текстов заговоров, список исполнителей, словарь местных и устаревших слов, список библиографических сокращений.

Важным дополнением к сборнику является музыкальная часть, подготовленная музыковедом-фольклористом Ю. Е. Красовской.

Раздел «Календарная поэзия» (вступительная статья Л. Нехай, подготовка текстов и примечания Е. Королевой и Л. Нехай) включает 21 песню двух обрядовых циклов — периода подготовки будущего урожая, а также весенне-летних полевых работ и сбора урожая. Песни первого цикла (опубликовано 13 текстов из записанных 60) составляют колядки и «виноградья». Очень жаль, что не даны описания колядования,